

Самозванцы либерализма. Идеология «золотой рыбки»

© Черняховский С. Ф.

© Chernyakhovsky S.

Самозванцы либерализма. Идеология «золотой рыбки»

Impostors of liberalism. The ideology of “goldfish”

Аннотация. Восстанавливается исторический смысл термина «либерализм» в его партнерстве с коммунизмом и противостоянии консерватизму и традиционализму. Протест российского общества против либералов вызван их изменой либеральным идеалам. Сегодняшние российские либералы являются «квазилибералами», которые в силу своей непримиримой враждебности обществу должны быть изгнаны из всех сфер общественной жизни.

Annotation. The historical sense of the term “liberalism” in its partnership with communism and opposition to conservatism and traditionalism is restored. The protest of the Russian society against liberals is caused them by treason to liberal ideals. Today’s Russian liberals are “quasiliberals” who owing to the irreconcilable hostility to society have to be expelled from all spheres of public life.

Ключевые слова. Либерализм, коммунизм, патриотизм, национализм, консерватизм, свобода, разум, собственность, народ, власть, государство.

Key words. Liberalism, communism, patriotism, nationalism, conservatism, freedom, reason, property, people, power, state.

1

Люди, которых сегодня в России стало принято называть именем либералов, собственно либералами никогда не являлись и не являются. И ничего общего в них ни с Вольтером, ни с Франклином Рузвельтом увидеть нельзя. Ни у тех, кто составляет их информационный и улично-салонный актив, ни у тех, кто занимает статусные позиции во власти, вузах, академических НИИ, СМИ.

Либерализм — лишь красивое историческое имя, которым в нынешних российских условиях прикрывается абсолютно иное и во многом просто противоположное собственно либерализму явление. Его можно описывать во многих его составляющих, но один из главных его истоков — это процесс вырождения определенной части поздней советской элиты. И рожденный в этом процессе определенный мировоззренчески-темпераментный стержень погубил страну двадцать лет назад, не дает ей восстановиться все это время и срывает все попытки осуществить прорыв в ее развитии сегодня.

ЧЕРНЯХОВСКИЙ Сергей Феликсович — профессор факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, член Изборского клуба, доктор политических наук.

Сводится он, пожалуй, к трем моментам: сохранять за собой власть, не неся ответственности за результат ее осуществления; не «напрягаться» в процессе исполнения своих полномочий; по возможности создать систему, которая будет работать сама, без постоянного контроля и участия в процессе ее реального функционирования.

То есть если власть в известном смысле состоит из двух начал — огромных полномочий и перенапрягающей текущей работы, то эта генерация хотела полномочия по принятию решений и почести с привилегиями оставить за собой, а от изматывающей работы, особенно требующей непосредственного профессионализма, себя избавить.

Свести власть к тому, чтобы встречаться с мировыми лидерами, осуществлять представительство, чувствовать зависимость от себя всех остальных, но чтобы реальная работа осуществлялась сама собой, как по волшебству. По велению Золотой Рыбки. Своего рода «коммунизм».

Но, во-первых, понимаемый примитивно-обывательски: неограниченное потребление без трудового участия.

Во-вторых — исключительно для элиты.

Хотелось, по сути, некоего управленческого «вечного двигателя». Чтобы один раз систему запустить — и дальше все вертелось само собой. Отсюда и известная формула: «Государство не должно вмешиваться в экономику. Оно должно создавать условия для того, чтобы экономика работала сама».

И старая, когда-то верная и прогрессивная, но сегодня во всем на деле оспариваемая и отвергаемая идея рынка понравилась и пришлось кстати. Каждый будет делать то, что ему выгодно, и тогда всем вместе будет хорошо. А рыночные идеологи будут со своих элитарных лож наблюдать и комментировать. И «создавать условия». А также — получать дивиденды за то, что все это придумали.

При этом «создавать условия» на деле означает создавать некие конфигурации, когда человек будет делать не то, что хочет или что требует от него дело, а то, что требует конфигурация, в которую он поставлен. То есть это управление не с помощью контроля, координации, постановки целей, задач, определения средств достижения этих целей, а с помощью интриги. Причем возведенной в принцип.

Традиционное (условно говоря, директивное) управление было объявлено «административно-командной системой», злом и началом, подлежащим искоренению.

Но главные отличия «директивного управления» от управления с помощью интриги заключаются в том, что, с одной стороны, первое все же требует профессионализма (чтобы «командовать» эффективно, нужно не только уметь управлять, но и разбираться в том, чем управляешь), а с другой стороны, за результат нужно отвечать: ты ставишь цели и ты определяешь средства.

Управление через «создание условий» позволяет обойтись и без первого, и без второго. В первом случае оно предполагает, что не нужно разбираться в том, чем управляешь, — этим займутся нанятые специалисты. Во втором — ответственность за неудачу будет не на тебе: ты задач не ставил. Все действовали по принципу: каждый делает то, что выгодно, и, если результат разрушительный, отвечают они, а не тот, кто «дал им свободу».

Одна из излюбленных тем «квазилибералов»: «Мы дали народу свободу, но они не сумели ею распорядиться».

Четверть века страной правят не профессионалы в тех или иных областях, а специалисты по интригам. Не то, что стиль, — сама внутренняя сущность — и политическая, и личностная — этих людей так или иначе определяется формулой «интрига—заговор—компромат». Уход от ответственности. Написание мемуаров. Как результат — разрушение с последующим объявлением его достижением, «разрушением зла».

Нет практически ни одного носителя этой идеологии, которому что-либо удалось реально организовать, создать, построить. В любом деле, управление которым им удастся присвоить себе, они никогда не могли предъявить практически никаких позитивных результатов, но выдавали за них негативные. Любое оспаривание последнего объявляя «неспособностью понять» благостную сущность этих разрушений. В позднюю советскую эпоху был своеобразный способ отчитываться об успехах в строительстве числом заложенных фундаментов: они поглощали 40 процентов выделенного финансирования и в докладах строителей давали солидные показатели успехов.

Люди, называющие себя «либералами», в известном смысле отчитываются о строительстве новых домов числом «демонтированных» старых, — которые они просто взрывают или продают на слом.

Кроме владения интригой и навыка разрушения, они за четверть века не продемонстрировали ничего. Но прилагают все усилия, чтобы сохранить власть за своими представителями.

2

Сегодня в России люди, называющие себя либералами, говорящие от имени либерализма и являющиеся одним из основных деструктивных элементов общества, прежде всего, не имеют практически никакого отношения к либерализму. Ни к исторически мировому, ни российскому.

Их оппоненты признали за ними это самоназвание — и, вполне обоснованно упрекая их как в безумных экономических и политических экспериментах 1990-х годов, так и в сегодняшней иногда откровенно провокационной, а часто откровенно коллаборационистской деятельности и работе на мировых конкурентов России, вместе с ними клянут сам либерализм — одну из четырех великих мировых идеологий.

В результате, с одной стороны, дискредитируется одна из важнейших политико-теоретических составляющих мирового развития, с другой — неоправданно завышается статус этих людей, которые в подлинно либеральном обществе были бы безусловно признаны не рукопожатными и подвергнуты общественному ostracismu наряду со сторонниками рабства в США.

Эти люди, на деле выступающие носителями двух идейно-политических начал, — рыночного фундаментализма и крайнего элитизма, — не имеют никакого отношения к сути и классической форме либерализма как такового прежде всего потому, что не разделяют и не принимают его основные ценности: Свободу, Разум, Собственность.

С точки зрения исходного и классического либерализма, каким он сформировался к XVIII веку, все люди являются свободными от рожде-

ния и достаточно разумными, чтобы распорядиться своей свободой. Однако их свобода окажется иллюзией, если они не будут обладать собственностью, которая даст им экономическую независимость.

Отсюда утверждаются и принцип народного суверенитета (народа как единственного источника власти), и идея подчиненности государственной власти этому народу.

И уже как вторичный момент к 1776 году появляется концепция рыночной экономики как экономической составляющей либерализма той эпохи. Однако к концу XIX века рыночная экономика стала вызывать все больше нареканий, а массы все чаще стали отходить от либеральных партий и тяготеть к социалистическим, — и либерализм как мировая идеология начал трансформироваться. Своей экономической составляющей он уже в работах Томаса Грина пришел к утверждению необходимости ответственности государства за экономические отношения, контролю им экономики и производства, ответственности за обеспечение равных стартовых условий для граждан. А поэтому — к необходимости обеспечения для каждого из них прав на образование, труд, охрану здоровья и обеспечение по старости. И в XX веке Ф. Рузвельт принял и сделал экономической составляющей своего Нового курса, по существу, концепт плановой экономики.

Те люди в России, которые объявляют себя «либералами», в большинстве случаев не приемлют ничего из названного, за исключением отторгнутой мировым либерализмом идеи рынка.

Они на самом деле не принимают даже идеи Свободы — потому что понимают ее исключительно как свою свободу не зависеть ни от мнений общества, ни от требований большинства. Осуществляя свои эксперименты в 1990-е годы, они не исходили из требований общества — они навязывали обществу свои требования и в проводимой ими политике, и в своем вольном обращении с правом и результатами народного волеизъявления.

Они не принимают ценности Разумности — потому что не признают изначальной разумности человека и народа и, с одной стороны, изначально считают любую точку зрения, отличную от их подходов, неразумной, даже если это — точка зрения большинства; с другой — присваивают себе права на высшую истину, даже если не могут доказать ее окружающим.

Они не принимают ценности собственности и принципа права граждан на собственность, потому что все свои эксперименты 1990-х годов строили не на принципе гарантии собственности для граждан, а на лишении собственности большинства для наделения ею меньшинства.

Они не приемлют принцип народного суверенитета ни в том смысле, что не признают за народом права на самостоятельное развитие, а требуют его подчинения тем или иным нормам, провозглашенным универсальными другими странами и правительствами, ни в смысле признания подчиненности власти желаниям и требованиям народа. Каждый раз, когда оказывается, что в своих оценках и предпочтениях народ, то есть большинство народа, расходится с их мнением, они объявляют народ неразумным и «больным», требуя от власти жесткими мерами осуществить его подавление и проведение той политики, которую они считают правильной.

В современном либерализме они не приемлют идею отказа от рынка и перехода к регулируемой экономике, по-прежнему требуя повсеместного применения моделей организации экономики XVIII века, любой шаг к регулированию и плановой организации объявляя порочным и ведущим к бюрократизации и диктатуре.

Точно так же в современном либерализме они не приемлют идеи ответственности государства за экономику, равно как и за создание равных стартовых условий для всех граждан. С их точки зрения, каждый человек сам должен платить за свое образование, за медицинское обслуживание, сам должен копить деньги на случай лишения работы и на свое обеспечение на время, когда состарится. Если же у него этих денег нет и скопить их не удалось, он не может, по их мнению, претендовать ни на какие формы общественного обеспечения, за исключением минимальных подачек благотворительности. То есть в их понимании, в отличие от точки зрения самого либерализма, человек не имеет от рождения никаких социальных прав и может рассчитывать лишь на то, за что может заплатить, — а потому должен посвящать свою жизнь исключительно заботе, как раздобыть средства к существованию, и поэтому обогащаться любыми средствами.

Те люди в России, которые объявляют себя «либералами», вообще не имеют с либерализмом ничего общего практически ни в каком историческом воплощении последнего — даже классическом, поскольку и из него они берут лишь одно — рынок. Именно то, от чего сам либерализм давно отказался.

С русским либерализмом, каким он сформировался ко второй половине XIX — началу XX века, они тем более находятся в разрыве, отвергая и признавая заведомо порочной каждую его ориентацию: сохранение сильного государства, патриотизм, признание приоритета социальной справедливости и определенный союз с рабочим и социалистическим движением.

Таким образом, они вообще не имеют с либерализмом ничего общего практически ни в каком историческом воплощении последнего — даже классическом, поскольку и из него они берут лишь одно — рынок. Именно то, от чего сам либерализм давно отказался.

«Либералы» — это не их имя.

Это их маска, позволяющая представлять себя уважаемым и цивилизованным политическим течением, хотя в основе их подходов лежит предельный элитизм и разделение человечества на две категории: имеющих право властвовать и принимать решение о судьбе всех остальных — и этих остальных, имеющих право лишь слушаться первых и кормить их своим трудом.

И сами они — не либералы.

Они лишь самозванцы, произвольно присвоившие себе чужое имя и прикрывающие свою непривлекательную сущность великими именами Вольтера и Дидро, Грина и Рузвельта.

3

Нет таких обвинений, которые в 1990-е годы в России коммунистическая оппозиция не обращала бы в адрес либералов, равно как и политические силы, именовавшие себя либералами — в адрес коммунистов. В результате политическое соперничество разворачивалось между этими двумя тенденциями. И обществу, и самим участникам борьбы стало, похоже, представляться, будто коммунистическая и либеральная идеологии — непримиримые антагонисты. Определение «коммунист» автоматически воспринималось как синоним определения «антилиберал»; определение «либерал» — как синоним определения «антикоммунист».

Конечно, этому способствовало и то, что силы, представлявшие себя в качестве либеральных (круг сторонников Чубайса и Гайдара), никогда ничего общего, кроме самоназвания, с современным либерализмом не имели. Они использовали либеральную риторику, критикуя коммунистов, но сами проводили курс, подобный курсу Рейгана и Тэтчер — консерватизма в том виде, в каком он был представлен экономической концепцией М. Фридмана, ставшей основой антилиберального поворота на Западе в последней четверти XX века.

С другой стороны, этому способствовало то, что сами коммунисты, приняв самоназвание своих противников, невольно подтвердили их претензию на это звание. Утонув в своих страстях, вместо того, чтобы холодно и здраво проанализировать, какая конкретная идеологическая и политическая тенденция противостоит им, коммунисты стали обращаться к своим оппонентам все обвинения и ругательства, которые содержались в их политической памяти, одновременно забывая и теряя суть своей собственной доктринальной позиции.

В итоге терялось и понимание того, что исторически либерализм и коммунизм — двоюродные братья, две самые близкие из всех мировых идеологий, два основных наследника эпохи Просвещения, опирающиеся на одни и те же базовые ценности, но видящие разные способы их утверждения.

Это нашло отражение в объявлении идеологии либерализма главным врагом, в провозглашении его вариантом фашизма. Как заявил еще в 1995 году один из их тогдашних лидеров в докладе на XXX съезде СКП-КПСС, «история показала, что либерализм, так же, как и фашизм, является античеловеческой идеологией, против которого все силы гуманизма должны вести неустанную борьбу... Всякое отступление от идеологии социалистической есть усиление идеологии буржуазной, либеральной» [1].

Изначально коммунизм и либерализм являлись двумя идеологиями, — хотя и борющимися друг с другом вокруг видения будущего и выражавшими интересы противостоящих классов, но представлявшими исторически одно прогрессистское течение в мировой идеологии. Обе они декларировали веру в человека, прогресс, исторический и антропологический оптимизм.

Либерализм базовыми ценностями провозглашал Свободу, Разум, Собственность. Их принимал и коммунизм, хотя трактовал иначе, провозглашая необходимость замены частной собственности на общественную в качестве гарантии этих ценностей. Это расхождение двести лет определяло борьбу данных идеологий, поскольку выражало интересы разных классов. Однако даже в противостоянии коммунизма и либерализма проявлялось общее: собственность должна быть гарантирована каждому.

Для обоих человек — ценность, государство — инструмент общества.

В своем сходстве они противостояли консерватизму и национализму, считавшим человека средством, государство сверхценностью, а традицию и обычай ставившим выше исторического развития. Именно либерализм и коммунизм были наследниками эпох Возрождения и Просвещения, именно они были носителями двух конкурирующих вариантов гуманизма.

Провозглашение равенства между фашизмом и либерализмом, призыв к борьбе против последнего всех сил гуманизма с провозглашением тождества либерализма и всей буржуазной идеологии выглядит странно. Прежде всего, оно исторически и теоретически несостоятельно, поскольку:

- фашизм и либерализм принадлежат к разным идеологическим векторам, немецкий фашизм был крайней формой национализма и по исходным постулатам противоположен либерализму и его ценностям;

- если коммунизм намерен вести борьбу с либерализмом, чем он, собственно, и занимается с момента их расхождения, — то лишен смысла призыв к борьбе против него всех сил гуманизма, поскольку они либерализмом и коммунизмом исчерпываются;

- если коммунизм призывает к борьбе против либерализма вообще все идеологии, это означает призыв к борьбе против гуманистической идеологии всех антигуманистических идеологий;

- либерализм есть одна из буржуазных идеологий, наряду с консерватизмом и национализмом. Сводя всю ее к либерализму, на фоне обращения к классическому положению В. И. Ленина, что есть лишь две идеологии — буржуазная и социалистическая, лидеры коммунистов объявляют национализм и консерватизм идеологиями социалистическими.

Противопоставление либерализма патриотизму представляется достаточно типичным проявлением ментальности партийного актива. В прошлом коммунисты критиковали либерализм за непоследовательность в борьбе с авторитаризмом, за мягкотелость в отстаивании интересов демократии. Это было понятно.

Понятно, когда коммунисты критиковали буржуазную политику с позиций социалистической.

Но что значит критиковать либеральное правительство с патриотических позиций? Что значит вообще критиковать идеологию с позиций чувства? Тезис, что либеральная идеология не выражает интересов пролетариата, — понятен. Но что означает утверждение, что либерализм не выражает интересов России? Идеологии вообще не выражают интересов стран, они выражают интересы классов. Либеральная идеология и либеральная политика выражают интересы нарождающейся российской буржуазии, то есть буржуазной России, и не выражают интересы формирующегося российского пролетариата.

Говорить, что либерализм не выражает интересы России — значит говорить, что он в принципе не для России, что общеисторические закономерности здесь не действуют и классовой борьбы быть не может, а тогда, по той же причине, — и коммунизм не для России.

Выступать против либеральной политики не с социалистических позиций — значит выступать с консервативных. Тогда получается, что оппозиция против либеральной буржуазной политики за консервативную буржуазную, против либерального капитализма за авторитарный.

Абстрагируясь от интересов классов, коммунисты имманентно обречены пытаться защищать интересы нации, но, при отрицании капитализма, не в ее современном буржуазном, гражданском понимании, а в феодальном, с неизбежной ксенофобией, приводящей к дискредитирующим ее скандалам.

В значительной степени путаница в определении настроений общества воспроизводит (или порождает?) путаницу в собственной самоидентификации. Как в конце 1980-х правые именовались левыми, так и сегодня сторонников радикально-рыночных реформ именуют либералами, традиционалистов — коммунистами, националистов — патриотами, а авторитаристов — демократами.

4

Во всем мире под классическим либерализмом действительно понимали сторонников свободного рыночного регулирования, парламентского правления, приоритета законодательной власти над исполнительной. Это было закреплено принципом разделения властей, отстранения церкви от участия в политике и национализации ее имущества.

Под классическими консерваторами понимали сторонников традиционной иерархии власти, жесткого контроля правителя над реформами и свободами гражданского общества, пиетета перед церковью. Под классическим коммунизмом понимали сторонников полного народовластия, демократии, экспроприации экспроприаторов и создания условий для развития творческой личности, торжества принципов гуманизма, атеизма. Уже XX век внес в эту идентификацию свои коррективы.

В либерализме на место «невидимой руки рынка» Адама Смита пришла идея «позитивной свободы» Томаса Грина [2], государственного регулирования и социальных гарантий, что было триумфально реализовано Франклином Рузвельтом [3].

В консерватизме были приняты идеи рыночных свобод, сокращения социальных программ, снижения роли государства в экономике, обоснованные Фридманом, при признании приоритета традиционалистских ценностей — семьи, патриотизма, долга, снижения налогов, установки на индивидуализм и личный успех.

В коммунизме были развиты идеи контроля гражданского общества за государством через механизм политических и общественных организаций, ставка на радикальное ускорение научно-технического прогресса, новую роль интеллигенции, превращающейся в современный пролетариат, отмирания национального устройства.

Что значило бы, соответственно, быть либералом и демократом в условиях современной России? Это значило бы в политике — выступать за пар-

ламентскую республику, расследование участия высших должностных лиц в коммерческих проектах, требовать института парламентского контроля за деятельностью спецслужб, создания наблюдательных советов на телевидении, равный раздел времени между правительством и оппозицией в ведущих электронных СМИ. Это значило бы в экономике — расширять государственный контроль, национализировать крупнейшие корпорации, повышать налоги на предпринимателей, расширять круг социальных гарантий, повышать зарплату врачам и учителям, вкладывать деньги в промышленность и создание новых рабочих мест, расширять бесплатное высшее образование, создавать элитные условия в наукоемких сферах.

Что значило бы быть консерватором? В политике — сокращать государственный аппарат, делать ставку на воспитание патриотизма, разворачивать пропаганду предыдущего этапа исторического движения, принимать программы укрепления морали, авторитарно противодействовать выступлениям трудящихся. В экономике — снижать налоги, бороться с инфляцией, сокращать государственное участие в экономике, осуществлять приватизацию, призывать отменить льготы тем или иным категориям населения.

Что значит быть коммунистом? В политике — выстраивать широкий блок с социал-демократами и левыми демократами, организовывать профсоюзное движение, использовать парламентские механизмы для обострения ситуации в стране, создавать боевую организацию, первичные организации в армии, призывать солдат к неповиновению офицерам, требовать вывода церковных структур из политики. В экономике — требовать создания радикального трудового законодательства, контроля коллективов за деятельностью администрации, национализации основных отраслей экономики.

Не нужно особых пояснений, чтобы убедиться, что ни одна из действующих в России ведущих политических сил не соответствует своему самоназванию. Запутавшись в собственных названиях, они естественно запутались в ориентациях общества, а следовательно — не могут и определить приоритеты, его центра.

Представляется, что это не есть случайный казус. Перейдя на позиции критики капитализма с позиций предыдущего состояния, оппозиция обрекает себя, с одной стороны, на союз со всеми более реакционными силами. С другой — естественно, что для «докапитализма» первый идеологический враг — та идеология, которая выступила как исторически первая идеология капитализма, проложившая дорогу буржуазно-демократическим революциям. С некоторой, довольно существенной, натяжкой консерватизм и национализм можно представить как идеологии докапиталистических начал, хотя на деле они скорее являются представителями нисходящей, реакционной линии в развитии капитализма. Тогда они действительно оказываются союзниками такой оппозиции.

Однако в этом случае следует признать, что оппозиция, в результате помещения своего идеала в прошлое, начинает выступать в принципе противником исторического прогресса. Переориентация на защиту традиции, сильного государства, нерасчлененного общества, союз с церковью, национализм и антисемитизм вынуждают фиксировать такую тенденцию.

Отказываясь от прогрессистской роли, коммунистическая оппозиция лишается креативно-созидательного ресурса как источника новых сил, средств, запасов творческой энергии личности.

Важно и другое. Формулируя докапиталистический идеал, входя на почву борьбы с буржуазным прогрессом в союз с силами, ставящими традицию выше него, оппозиция практически отказывается от роли носителя варианта прогресса, альтернативного буржуазному. Она оставляет за либерализмом роль единственной прогрессивной идеологии, а за капитализмом — единственного варианта прогресса. Тогда либо она за прогресс, но обречена принимать его буржуазный вариант, либо против и капитализма, и против прогресса, объявляя последний злом по определению.

В итоге перенос идеала в прошлое обрекает оппозицию на интеллектуальную несостоятельность, лишает стержней и постулатов собственной идеологии и загоняет в исторический, политический и проектный тупик, лишая политической и исторической перспективы.

5

Либерализм — это, безусловно, великая мировая идеология, вытекающая напрямую из постулатов и базовых ценностей эпох Возрождения и Просвещения. Идеология, принимающая и провозглашающая в качестве базовых ценности Свободы, Разума и Собственности: каждый человек от рождения достоин Свободы; каждый человек потенциально достаточно Разумен, чтобы распорядиться своей Свободой; но на деле он действительно свободен только тогда, когда обладает Собственностью. Таким образом, нельзя быть свободным, не имея собственности и будучи обреченным на экономическое подчинение и угнетение [4].

Эти три ценности в равной степени принимаются и разделяются и другой мировой идеологией — коммунизмом: различие заключается в нюансах их трактовки. Либерализм изначально видел необходимым гарантировать человеку экономическую самостоятельность через наделение каждого частной собственностью; коммунизм — через гарантии каждому его доли и права на общественную собственность. Но и тот и другой были уверены, что человек, лишенный собственности, будет поставлен в экономически подчиненное положение, а в результате — окажется лишен и политической свободы, даже если она для него будет продекларирована.

Теоретически либерализм — это один из необходимых компонентов становления человеческого сознания и человеческой истории, человеческого прогресса.

Однако в современной России для значительной части общества и населения слово «либерал» оказалось неким видом бытового и политического ругательства, даже в известной степени эвфемизмом, означающим нечто близкое слову «людоед». И хорошего здесь на самом деле мало. Но так получилось вовсе не потому, что Россия оказалась враждебна идеям либерализма и базовым для них ценностям гуманизма и просвещения.

Просто либерализму в России не повезло: его именем постарались освятить себя люди, либералами себя назвавшие, риторику либерализма использующие, его именем клянущиеся, но никакого отношения к либерализму не имеющие. Еще в 1990-е годы польский политолог Семен Шацкий, исследуя политические и идеологические процессы в Восточной Европе, обратил внимание на явление, которое он тогда назвал «протолиберализмом» [5]. Оно заключалось в том, что определенные

группы общества, ведя борьбу против коммунизма и социализма, использовали как оружие либеральную риторику и либеральные знамена, будучи на деле абсолютно чужды либеральным ценностям, не понимая их и не разделяя их.

Для них либерализм означал не приверженность идеалам Разума и Свободы, а их собственное право на избранность, право на роль интеллектуальных гуру, право стоять выше общества, презирать общество, поучать общество и в конечном счете — не считаться с обществом. Это же произошло и в России. Причем поскольку от момента возникновения этого явления до сегодняшнего дня прошло достаточно много времени, а «протoliberalизм» так и не сумел преодолеть свое «прото-» и стать собственно либерализмом, заострившись в своей извращенной форме, то его сегодня скорее нужно было бы называть уже не «прото-», а «квазилиберализмом».

Либерализм выше всего ценит свободу, — а квазилиберализм полагает, что она должна заключаться в свободе его носителей не подчиняться желаниям и настроениям большинства на том основании, что они выучили слово «либерал».

Мировой либерализм давно отказался от рыночного фундаментализма и встал на путь требования государственного регулирования экономики, — а квазилиберализм навязывает обществу требования рыночной экономики, не считаясь с их катастрофическими последствиями.

Либерализм полагает, что любой народ имеет право жить в соответствии с теми идеями и ценностями, которые он разделяет, — а квазилиберализм полагает, что народы должны жить по тем правилам, которые для них будут написаны его представителями.

Либерализм считает высшим носителем и источником власти народ и признает его суверенность. Квазилиберализм же считает, что суверенитет народа — ничто в сравнении с нормами, правилами и декларациями, провозглашенными группой «избранных стран», которые он признает достойными подражания, и требует подчинения воли народа воле этих стран и контролируемых ими международных организаций.

При этом в России люди, называвшие себя либералами, столь опорочили это на деле вполне благородное имя, что и сделали его ругательством, и оказались сами отторгнуты и презираемы обществом.

Но если общество их отвергает как на уровне отказа им в уважении, так и на уровне электорального неприятия, то на уровне элиты они оказались в заметной мере сохранены и в виде части ее представителей, и в виде маргинальных групп политического класса.

Квазилиберальные активисты создают по избранным датам шум на площадях, имитируя, с одной стороны, «народный протест», а с другой — формируя театральный образ его «подавления властями».

Квазилиберальные пропагандисты и агитаторы в подконтрольных СМИ формируют соответствующую информационную волну, создавая заведомо искаженный образ общественных симпатий и пристрастий.

Квазилибералы, сохранившие положение на высшем государственном уровне, опираясь на этот шум, инициируют рыночно-фундаменталистские экономические инициативы и упорно пропагандируют их как во власти (посредством личного влияния), так и в обществе (посредством контролируемых ими СМИ).

Квазилибералы в интеллектуальной сфере и сфере консалтинга не всегда громко, но настойчиво и упорно повторяют свои псевдолиберальные рекомендации для власти, в очередной раз создавая впечатление, что «иного не дано».

Квазилиберальные историки продолжают фальсифицировать каждый эпизод предыдущей, и особенно советской, истории, формируя негативные представления о прошлом страны. Причем получают для этого все возможности и эфирное время электронных СМИ, сохраняют при этом подчас статусное положение во главе академических институтов, а иногда и ведущих вузов страны.

Обычно они банально необразованны и вызывающе лживы. Однако как только они получают более или менее заметный публичный отпор, то мгновенно используют все свои клановые возможности для кулуарного и административного давления на своих оппонентов и оказавшихся опасными для них специалистов.

Квазилибералы отторгнуты обществом на публично-политическом уровне. Они изгнаны их парламента и приличного общества, а во многих случаях признаны нерукопожатными.

Но они допущены на экраны и в НИИ, консалтинговые властные центры и в сами структуры власти, в посольства известных держав и некоторые вузы, в кабинеты власти и неформальные элитные площадки общения.

Они ненавидят и презирают ценности и настроения большинства общества и составляют фактор мощного кланового влияния. В частности, выдавая себя в глазах и российской власти, и международных структур за носителей общественного мнения и представителей ожиданий давно ненавидящего их народа.

Они отторгнуты народом, но остаются влиятельным фактором искажения его воли и атактистическим препятствием на пути ее осуществления.

Сегодня они активизировались и вновь мешают развитию общества, навязывая ему свои рыночно-фундаменталистские и элитистские, чело-веконенавистнические представления и проекты. Нельзя двигаться вперед, не убрав их с пути общественного развития.

Они изгнаны из парламента, но должны быть изгнаны и из других сфер, где они еще сохраняют возможность противодействовать воле и ожиданиям общества, оценке обществом своей истории и формулированию желаемой им политики.

Литература

1. **Черняховский С.** Неподходящие имена // Газета.ру. 28.08.2006. — www.gazeta.ru/comments/2006/08/28_a_749392.shtml
2. **Green T. H.** Lectures on the Principles of Political Obligation and Other Writings (Cambridge: CUP, 1986).
3. **Бернс Д. М.** Франклин Рузвельт: Человек и политик. М., 2004.
4. Либерализм Запада XVII—XX вв. / под ред. В. В. Согрина. М., 1995.
5. **Шацкий С.** Протолиберализм: автономия личности и гражданское общество // Полис. 1997. № 5, 6. ◆